

КАБИНЕТ обставлен со вкусом и скромно. А за столом сидит молодой «главный». Сидит, крепко опираясь локтями о стол. Видно, что крепкий человек, волевой. Главный режиссер.

Правда, там, в углу, стоит ужасающий камин. Знаете, продают такие электрокамины с бутафорскими угольями и на малеванным пламенем. Смотреть невозможно, не то чтобы греться, холодный озноб пробирает. Неужели главный не замечает в своем кабинете этого ужаса?

Вот уже и вопросы. Есть и посущественнее. Неужели он, главный, не замечает, что в антракте в буфет невозможно пробраться, такой он «махонький, кукольный»? Что актер В. выпадает из ансамбля, а художница С. в одной декорации употребила два стиля одновременно, и они не послужили друг другу художественным противопоставлением, так сказать, контрапунктом, а так и остались эклектически, механически соединенными. И еще вопросы...

Вот так сразу я и «убиваю» героя своего очерка — Ефима Михайловича Падве. Так нельзя, наверное. И камин, видите ли, безвкусный, и актер «выпадает».

Да мало ли укоряющих вопросов можно задать руководителю современного профессионального театра, хотя бы и такого маленького, как Малый драматический? Все «драматизмы» современной жизни смоделированы в этом сложном организме — Театре.

Но мне, автору, легче. Я пишу сейчас не о драматизме, а о радостях. Каких? Ну, например, такой — работает в Ленинграде талантливый человек, и вокруг него ансамбль любопытных молодых актеров. Разве это не предмет для разговора?

Имя Ефима Падве связано у меня прежде всего с одним светлым воспоминанием. Лет десять назад Георгий Александрович Товстоногов поставил со своими учениками, режиссерами-студентами, спектакль-песню — «Зримая песня». В Москве был уже Театр на Таганке, а в Ленинграде, хотя и не было такого же (по художественной аналогии) театра, был поэтический условный спектакль «Зримая песня», созданный как бы от имени молодого поколения 60-х годов.

...ШАГАЛИ под тревожную дробь мальчишки. И девушки взмахивали прощально платками, застыли едва угадываемыми, зыбкими силуэтами в опустевшем пространстве. В коллективной режиссуре этого спектакля участвовал и Ефим Падве.

Вот с того момента режиссура Падве для меня близка и понятна. А зритель обязательно должен вынести из театра не только то, что понравилось всем, но и нечто сокровенное, что понравилось только тебе, что ты можешь записать в свой, так сказать, лирический дневник души.

Героическое настроение из «Зримой песни», тревожное чувство поколения, бросившего взгляд из нашего сегодня на годы прошедшей войны («Ах, война, что ты, подлая, сделала...»), я записал в своей памяти. И позже, у зрелого Ефима Падве, почувствовал все это вновь, но уже в иных и разных вариациях.

Например, в спектакле «Вечные живые». Многие его не приняли. Но мне казалось, линия «Зримой» здесь продолжалась, возникла вновь.

Непотревоженная юность, лирика городской окраины — и вдруг противотанковые заграждения. Голос Владимира Высоцкого. «Грубо и зримо» ворвался он в маленький зал на улице Рубинштейна, а на сцене встали мощные фигуры солдат в масках и пошла прямо на зал.

Именно на этом спектакле я заметил, что в зале Малого драматического театра собирается определенная публика — это молодежь с какими-то очень «сегодняшними» эмоциями, с нервным пока уровнем понимания искусства (она только вступает в художественный мир), очень непосредственная и бесхитростная. Но ведь каждый психологический «слой» молодежи, каждая возрастная волна имеет право на самоопределение — и театр должен помочь этому самоопределению. Малый драматический, которым руководит Падве, стал сегодня молодежным театром, молодежным по проблематике, по настроению. Его зрители — это своеобразный

клуб, который как бы заранее предрасположен к восприятию спектаклей именно этого театра. Театра, который они считают своим. И, значит, теперь задача режиссера — всерьез воспитывать их вкус.

Еще работая в Театре драмы и комедии на Литейном, Падве подступал к проблемам молодежи, причем делал это с остротой охотника, крадущегося в лесной тиши. К проблемам жизни он шел через узнаваемую правду психологических отношений. Что бы совсем как в жизни! Что бы схватило сердце у зрителя — так это похоже.

Но «узнаваемость» без поэтического отношения к жизни немногочисленна бы стояла. И поэзия

по крупинкам рассыпан в своих актерах. Уход каждого — исчезновение из ансамбля драгоценной крупинки, какой-то определенной краски...

А играла она в спектаклях Падве отлично — легко, свободно, как-то очень лично и с тонким ощущением всего действия. В «Синих дождях» играла звонкую и тихую, как весенний дождик, Юльку.

Юлька застенчиво смотрела в глаза любимого и, не признаваясь ему, веда наивно обходные речи — «есть обязательно человек, который тебя ищет», или — «вот раньше мне никто не нравился, а теперечка»! И она загадочно замолкала, и возникала мелодия — «Мчится мой парусник»...

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

легко коснулась своими крылами героя нашего очерка как раз в тот период — «на Литейном».

Он поставил там несколько правдивых и поэтических спектаклей. Люди не крупные, события каждодневные, а за этим — неслетая песня, лирический подтекст.

Сильному человеку нужен отменный вкус, нужно чувство меры. Сильному человеку нельзя без доброты. А Падве человек сильный, как режиссер он притягивает к себе волей, экспрессией эмоций, настоящей мыслью. Потому в его режиссуре важно понять — где эта сила употреблена на добро и где она в служении у рассчитанной схемы, подменившей правду.

Схемы отступают, когда вокруг режиссера собираются хорошие актеры. Иван Мокеев со своим бескорыстно возвышенным Сарфановым из «Свиданий в предместье», Олег Сысов, Наталья Байтальская.

Счастье для режиссера, если актер разделяет бескомпромиссно его замысел, доверяет до конца и последователен в своей верности ему. Какое счастье такой союз! Но много ли их, таких союзов? И как драматично они обрываются. Почему оборвался союз Байтальской и Падве, который по всем показателям должен был длиться и длиться? Режиссер

Для Падве очень важна была эта звенящая нота Юльки. Там, в кажущейся неяркой повседневности, настоящий смысл и поэзия жизни как раз и скрывались. Юлька в своем платице с трогательными воланчиками так и осталась «образом» спектаклей Ефима Падве того времени. Они были, словно синие дожди, в них было много надежд.

Вскоре Падве перешел в Малый драматический театр.

Здесь, в недрах новых его спектаклей, зародилась и новая тема. Я бы так определил ее — тема «органического человека». И заодно «органический» человек в «органическом» театре.

Но о театре потом, сначала о человеке. Нас всегда интересует, какова степень усвоения человеком гражданских обязательств перед Родиной, перед народом, насколько органично вошло в человека чувство долга. У Падве был спектакль «Долги наши...», где был прослежен с режиссерской железной логикой путь человека, который захотел стать органичным, естественным во всем. Но, оказывается, это желание потянуло за собой массу проблем. Чтобы быть самим собой в любых ситуациях, нужно было выплатить сполна все моральные долги перед людьми...

А бывает, что ложь радит в естественность и органич-

ность. В «Чудаках» по Горькому (еще в Театре на Литейном) Падве показал эту мимику под естественных людей. Тогда ему помог очень актер И. Тихоненко, блестяще сыграв роль Мастакова. Слабые (этакие «чудаки»!) оказывались и самыми сильными, они лучше ориентировались в мутном житейском море, их слабование оказывалось удобным средством пруспеть в личной жизни. В их «рыданиях» бессознательно проявлялась цепкость эгоистов. Их нервическая болезненность оборачивалась надежной защитой от тяжких жизненных обязанностей.

ВАРИАНТ современных «лишних» людей, живущих без духовной цели, Падве нащупал

и в других спектаклях. Я посмотрел один за другим старый его спектакль «Инцидент» и новый — «Оглянись во гневе». В первом двое молодых американцев — два подонка, абсолютно лишенных духовности, терроризируют пассажиров ночного метро. Нет духовной цели и у Джимми с Клиффом, роли которых играет в «Оглянись во гневе» тот же дуэт актеров — М. Самочко и А. Коваленко. Правда, это уже другого уровня люди, совсем из другой жизни. Но проблема бездуховности та же. Когда-то «Современник» поставил пьесу Джона Осборна с точки зрения взрыва мятежной мысли и жизни человеческого духа в Джимми, сегодня нам показывают прямо противоположное — тупики людские.

Джимми и Клифф, симпатичные и безжалостные, спрятались от тоски в своих мягких креслах возле любимой ими Элисон. Оба прикрылись огромной газетой, торчат только концы ступней ног — две пары ног от нечего делать прыгают и танцуют.

И вот с этой запоминающейся мизансцены 1-го акта Падве начинается и 2-й акт. Точно с того же — газета, кресла, танцующие дружно ступни ног. Но возле кого же теперь пригнись от дикой опустошенности Джимми и Клифф? Возле нее, милой Элисон? Да нет — у той же гладильной доски стоит теперь другая женщина, новая жена Джимми — Хелена. Им все равно, кого лю-

бить, с кем жить, для чего жить...

Для того, чтобы всерьез решать поставленные режиссером задачи, нужен и естественный актер. Падве открывает такого актера почти в каждом спектакле. Сегодня у него собирается пусть небольшой, но все же ансамбль таких актеров — Н. Семенова, В. Миловская, дебютировавшая недавно в «Экспрессе по Москве», М. Самочко, А. Коваленко... Они играют способом «сиюми-нутно» переживания на сцене, без имитации чувств, а чувствуя на самом деле, и каждый раз заново.

В художественном отношении Падве ведет сейчас очень ценную работу, отстаивая «органический театр», без искусных под него подделок. Это есть в «Нине».

Живет в одной семье обыкновенная Нина. Семья дружная. Приобрели телевизор. Вот только отец пьет. Да что же такого, только ведь за ужином, две-три рюмочки. Краем глаза посматривает на «голубой экран», а сам уговаривает каждого еще раз опрокинуть по маленькой. И все бы ничего, но только раздражает его дочь, взгляд ее. Что за взгляд? Чего ей нужно? Вот, собственно, и все.

И неблагоприятие в семье, лишенной самого главного — сокровенной содержательности жизни, растет. Эта драматическая история поражает не только воинственным перипетием бездуховности, но и сокрушающей узнаваемостью самой житейской ситуации.

В режиссуре Падве еще борются между собой «силовая» режиссура и режиссура «живая». «Силовая» все еще притягивает в пожарном порядке тезисы-ярлыки на явления, и они неорганичны, как вся история с учителем из «Экспресса по Москве». А «живая» режиссура — это, к примеру, всамделишная Таня в том же спектакле, способная стать гордой и независимой в чувствах.

ИТАК, Падве — режиссер, который любит увидеть конфликт не в результате, а в зарождении. Режиссер, от прозы поднимающийся к метафоре. Это режиссер, о котором разговор только начинается, потому что в его деятельности есть и черты непроявленные, и черты противоречивые.

Ю. СМРНОВ-НЕСВИЦКИЙ